

Глава 21: Оковы

Шэнь Цзюцзю подцепил с чайного подноса пирожное, подложил его под лапку, а другую, правую, обмакнул в чашку с чистой водой и слегка поболтал ею, чтобы как следует намочить.

Птенец задумчиво оглядел свои лапки.

Отчего-то ему показалось, что правая стала тоньше левой.

Взгляд Пэй Ду скользнул поверх книги к Шэнь Цзюцзю, который как раз затеял какую-то возню. Когда птенец, наступив на пирожное, внезапно провалился в него, Пэй Ду отложил книгу. Он осторожно подхватил Шэнь Цзюцзю, завернул испачканное лапкой лакомство в платок и отодвинул в сторону, а вместо него взял чайную пиалу и, перевернув, поставил её под левую лапку Шэнь Цзюцзю.

Попутно он успел вытереть ему лапки платком.

— Цзю!

Ну вот, он же говорил! Благодетель — самый добрый, самый понимающий и самый приятный в общении человек на свете.

Намочив лапку как следует, Шэнь Цзюцзю не забыл стряхнуть несколько капель на столешницу, чтобы было куда макать в процессе.

— Цзю, цзю-цзю!

Услышав его призывный писк, Пэй Ду снова отложил книгу и посмотрел на маленький комочек перьев, который явно готовился к чему-то великому.

Шэнь Цзюцзю сделал несколько глубоких вдохов, отчего его пушистая грудка заметно вздымалась и опадала.

Взгляд Пэй Ду неуловимо изменился.

Похоже, птенец не поправился, а просто распушил перья. Нужно будет всё же спросить у дворцовых слуг, умеющих ухаживать за птицами, не хватает ли ему чего-нибудь в рационе.

Старый ветеран, что учил Цзымина обращаться с соколами, тоже был большим знатоком...

Пока Пэй Ду размышлял о том, как правильно откармливать птиц, пушистый, а не толстый птенец, собравшись с духом, вытянул лапку и принялся выводить на столешнице иероглиф за иероглифом.

Шэнь Цзюцзю хотел написать: «Цзымин отравлен стрелой».

Но, выведя мокрой лапкой имя Суй Цзымина, он замер. Сколько бы он ни старался, сколько бы ни водил лапкой по каплям воды, на столешнице не оставалось и следа.

Шэнь Цзюцзю отряхнул сухую лапку. Хоть он и расстроился, но в глубине души был к этому готов.

Всё было точь-в-точь как тогда, когда Шэнь Синэнь пытался предупредить Се Цзинтан.

Люди этого мира не могли воспринимать информацию о сюжете, которую он пытался им передать.

Теперь Шэнь Цзюцзю сторал от любопытства: как же тогда Шэнь Синэнь сумел связаться с матерью? Ведь её судьба изменилась не просто так.

Впрочем, с восстановлением памяти торопиться не стоило — сны приходили сами по себе. К тому же, в последние дни Пэй Ду вёл себя как упрямый больной: избегал лечения и не позволял птенцу спать у него на груди.

Шэнь Цзюцзю некоторое время смотрел на иероглифы «Цзымин», медленно исчезающие со стола, а затем повернулся к Пэй Ду.

Даже видя, что после всех его стараний ничего не вышло, тот продолжал неотрывно на него смотреть.

Что ж, подумал Шэнь Цзюцзю, пришло время проверить, насколько хорошо благодетель понимает птичий язык и сильна ли их молчаливая связь.

Сперва он подлетел к Пэй Ду и легонько прихватил клювом его палец. Пэй Ду послушно вытянул руку вперёд, и Шэнь Цзюцзю, подняв голову, одобрительно пискнул.

Пэй Ду замер в указанном положении.

Шэнь Цзюцзю отпрыгнул на пару шагов, прикинул расстояние до пальца, подумал и отступил ещё дальше, почти к самому краю стола.

А в следующее мгновение он низко пригнул голову, прижал крылья и ринулся вперёд, прямо на вытянутый палец Пэй Ду.

Птенец рассчитал всё с безупречной точностью. Кончик пальца Пэй Ду упёрся ему прямо в грудь, оставив вмятину в мягком пуху.

Пэй Ду слегка приподнял бровь.

Шэнь Цзюцзю жалобно пискнул, прижал крылья к груди, отступил на пару шагов и, запрокинув голову, рухнул на спину. Перекатившись по столу, он дёрнул лапками и затих.

Пэй Ду молчал.

Притворяясь мёртвым, Шэнь Цзюцзю приоткрыл один глаз и принялся отчаянно подавать знаки, чтобы Пэй Ду связал его представление с иероглифами на столе.

Пэй Ду, конечно, всё понял — игра Шэнь Цзюцзю была донельзя выразительной. Он уже хотел было что-то сказать, но внезапно сознание его помутилось.

Очнувшись, он с удивлением обнаружил, что не может вспомнить, что только что изображал птенец. В памяти остался лишь смутный образ какого-то представления.

Словно из неё вырвали маленький кусочек.

И будто некий тихий, ласковый голос прошептал ему, что это всего лишь последствие лекарств от головной боли — обычное дело, не стоящее внимания.

Но человек с таким глубоким умом, как у Пэй Ду, привык всё держать под контролем, особенно тот, в чьих руках была сосредоточена власть над целым государством.

Он не упустил этой странности и не счёл провал в памяти чем-то обыденным.

Но и не выказал ни гнева, ни тревоги.

Шэнь Цзюцзю с надеждой смотрел на Пэй Ду, но, не увидев никакой реакции, со вздохом понял, что и этот способ не сработал.

Изрядно вымотавшись за день, птенец лишь сейчас почувствовал усталость. Он распластался на столе, думая лишь об одном: сегодня ночью он должен непременно прижаться к Пэй Ду.

А вдруг во сне он увидит более подробные детали сюжета?

Суй Цзымин в книге погиб слишком рано и не был ключевым персонажем, поэтому записи Шэнь Синэня о нём были весьма скудными.

Там говорилось лишь, что он погиб от отравленной стрелы. Яд ослабил его, и он не смог отбиться от внезапного нападения.

Когда Пэй Ду, получив известие, прибыл на место, тела Суй Цзымина уже не было. Все следы битвы в лесу были тщательно зачищены, осталась лишь красная кисточка от его копья.

Вот почему его смерть была такой горькой.

Ни тела, ни отравленной стрелы, ни следов, ни улики.

Однако Суй Цзымин успел тяжело ранить предводителя нападавших, которого позже спас главный герой. И когда Пэй Ду, ухватившись за тонкую ниточку, потребовал выдать преступника, герой наотрез отказался, приняв весь удар на себя.

Не имея доказательств, Пэй Ду был вынужден отступить, но с тех пор затаил на героя обиду.

Зато тот получил в награду вечную преданность мастера-отравителя и его дочь, искусную в ядах гу, в свой гарем.

Шэнь Цзюцзю перевернулся на другой бок и недовольно пискнул.

И тут же почувствовал, как что-то коснулось кончика его крыла.

Хм?

Он повернул голову к Пэй Ду.

Но тот сидел неподвижно, даже снова взялся за книгу.

Шэнь Цзюцзю склонил голову набок.

Пэй Ду по-прежнему не шевелился. Он держал книгу одной рукой, а другая, скрытая столешницей, неподвижно лежала у него на колене.

Птенец долго смотрел на него.

Потом, сам не зная почему, он поднялся и, не издав ни звука, не привлекая внимания Пэй Ду, который даже не смотрел в его сторону, повторил своё представление.

Только на этот раз без пальца Пэй Ду.

Прошло некоторое время. Пэй Ду прикрыл глаза, отложил любовный роман и сказал слегка охрипшим голосом:

— Я позову Чжун Бо. Если что-то понадобится, скажешь ему.

С этими словами он поспешно встал и вышел.

Не взяв с собой птенца.

Оставшись один, Шэнь Цзюцзю сидел на столе. Ветер, проникая сквозь бамбуковые шторы, приносил с собой тонкий аромат цветов.

Именно этот порыв развеял едва уловимый запах крови, который до этого витал в воздухе.

Шэнь Цзюцзю прыгнул со стола и, следуя за запахом, проскользнул в узкую щель между столешницей и низким шкафчиком. Там, в тени, он и нашёл засунутые в щель осколки чашки. На них всё ещё атели липкие следы крови.

Он не стал догонять Пэй Ду и спрашивать, понял ли тот его. Он просто вернулся на то место, где сидел благодетель, свернулся калачиком и долго сидел в тишине.

Лишь когда прибежал Чжун Бо, Шэнь Цзюцзю послушно последовал за ним в кабинет Пэй Ду.

Хозяина там не было, но птенец не стал ничего спрашивать. Он лишь попросил Чжун Бо расстелить бумагу, надел свою кисточку и продолжил писать трактат.

Вечером, когда Шэнь Цзюцзю вернули во внутренний двор, он первым делом заметил, что в углу снова курится жаровня с благовониями.

Он отчётливо помнил, как Пэй Ду говорил ему, что птенец вполне может заменить успокоительные благовония.

И что у них есть побочные эффекты, и вдыхать их часто вредно.

Они расстались всего на полдня. Птенец, закончив работу в кабинете, вовремя вернулся, чтобы составить компанию на ночь, и что же он видит? Этот человек тайком жжёт благовония.

Шэнь Цзюцзю тут же превратился в разъярённую пташку и ринулся к Пэй Ду, стоявшему неподалёку с перевязанной рукой.

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю!!!

Зачем ты снова зажёл благовония?! Разве одной маленькой птички тебе уже недостаточно?